Любовь, которая не командует

Заведующая ожоговым центром ГКБ №40 Екатерина Эльмак о том, как совместить работу и дом

В операционной ее слушаются. Дома – спорят, торгуются и просят еще одну собаку. На работе она умеет не растеряться перед самой тяжелой раной. Заведующая ожоговым центром ГКБ №40 Екатерина ЭЛЬМАК – о силе, которая не исключает нежности, о материнстве, перед которым отступает врачебная уверенность, и о рабочих буднях, в которых всегда должно быть место для семьи. В канун Дня матери и Дня хирурга, которые в этом году отмечаются 29 ноября, рассказываем, как две эти роли тесно сплелись в жизни одной женщины.

ФОТО: ЮЛИЯ ХОМИНЕЦ

Между двумя сменами

Ее день начинается в 5 утра. До больничных обходов, операций и разговоров с родственниками пациентов нужно успеть прожить небольшую домашнюю жизнь: приготовить завтрак, разбудить семью, проследить, чтобы дочь собралась в школу, что-то погладить, собраться самой. Покормить двух кошек, выгулять собаку. Потом – дорога на работу, пробки, утренние рабочие обсуждения и обязательный кофе.

Екатерина Владимировна ведет самых тяжелых пациентов отделения. Обходы, перевязки, операции, обследования, консультации других специалистов, медицинские записи. Каждый час необходимо понимать, что происходит с каждым человеком в отделении. Если нет дежурства и срочных задач, она старается вовремя уйти домой. Объясняет без торжественности: «Вторую смену дома никто не отменял».

У дочери английский, художественная школа, гитара. Нужно забрать, накормить, помочь с уроками. У домашних животных свои потребности, не зависящие от сложности операционного дня и усталости хозяйки. А дочь, между прочим, хочет еще одну собаку. И если на работе многое держится на твердости и решительности Екатерины Владимировны, то дома та же твердость работает далеко не всегда.

Решение шестилетней девочки

Хирургом она решила стать примерно в шесть лет. Семья тогда жила в Узбекистане. У отца был друг – кардиохирург. Однажды за столом он рассказал, как оперировал молодого солдата с ранением сердца. Для взрослых это была история из врачебной практики. Для маленькой Кати – впечатление, из которого вырос выбор профессии.

Она захотела быть не просто врачом, а именно хирургом. В семье медиков не было – были педагоги, военные, бабушка, которая занимала пост мэра города. Медицину Екатерина выбирала сама, и близкие не спешили поддерживать этот выбор. Мама считала, что можно найти профессию полегче.

Позже, когда нашей героине было около четырнадцати, знакомый хирург, друг семьи, стал брать ее на дежурства. Предполагалось показать, насколько тяжела больничная работа. Получилось наоборот.

«Это только укрепило мое желание стать врачом. Смутила только одна подробность. В воскресенье семьи собирались в гости друг к другу, а хирург ехал на работу. Я тогда не понимала, зачем и как это – работать в воскресенье?»

Теперь Екатерина Владимировна вспоминает свое возмущение с юмором: оказалось, можно дежурить и в воскресенье, и в субботу, и в праздники.

Прежде чем стать хирургом и комбустиологом, она успела узнать медицинскую работу с других сторон: была санитаркой в хирургическом отделении 27-й больницы, затем медсестрой, три года работала на скорой помощи. Всё это во время учебы. Не из финансовой необходимости, подчеркивает она, а из интереса.

На скорую ушла, когда в сестринской работе неотложного стационара стало не хватать движения и новых задач. Захотелось адреналина. Получила, по собственному определению, школу, которая помогает до сих пор: быстро ориентироваться в сложной ситуации, принимать решения, организовывать работу.

«В смысле, вы хирург? Вы же женщина»

В ожоговое отделение Екатерина Владимировна пришла не по заранее составленному плану. После института свободных хирургических ставок не было. Она работала в поликлинике, дежурила в неотложной хирургии. Потом появилась возможность перейти в комбустиологию.

За 14 лет работы в ожоговом центре она научилась спокойно воспринимать то, что неподготовленному человеку трудно даже увидеть: тяжелые раны, их внешний вид, запахи. Все это, говорит она, не пугает – к этому можно адаптироваться. В работе Екатерина Владимировна требовательна. О себе говорит прямо: «Я же крайне авторитарна. Тут со мной никто не спорит. Я сказала – все пошли и сделали».

Дом – место компромиссов

Дочери Екатерины Владимировны одиннадцать лет. Возраст, в котором уже появляются подростковые реакции, но еще сохраняется детская непосредственность. Мама с изумлением замечает и то, и другое. Девочка не похожа на нее во многом, но умение отстаивать свою точку зрения унаследовала явно. Если что-то решила, будет добиваться своего. Екатерина Владимировна рассказывает об этом с усталостью и нежностью одновременно: «Я очень мягкая мама дома. Веревки из меня вьет ребенок. Не могу заставлять ее делать то, чего она объективно не хочет, если это не связано с угрозой жизни, здоровью, образованию. Выслушиваю, объясняю, выстраиваю доводы, ищу мотивацию».

Впрочем, их совместная жизнь состоит не только из споров об обязательных делах. Дочь учится в художественной школе, любит рисовать. Они стараются ходить на выставки, в галереи, находить время для того, что интересно ребенку. Не когда исчезнут работа, кружки и бытовые заботы, а посреди всего этого.

Материнство для Екатерины Владимировны оказалось опытом, в котором привычная способность быстро решить вопрос не всегда помогает. Другой человек, даже самый близкий, не обязан следовать готовому плану. С ним нужно заново искать общий язык.

Мама, которая знает слишком много

На вопрос, помогает ли врачебный опыт в воспитании ребенка, Екатерина Владимировна отвечает сразу: «Мешает. Вообще врачебный опыт мешает жить».

Она имеет в виду тревогу. Там, где человек без медицинского образования может не заметить повода для беспокойства, врач уже представляет несколько вариантов развития событий. А когда речь о собственном ребенке, знание не обязательно успокаивает.

Однажды дочь сообщила, что упала и у нее болит рука. Екатерина Владимировна была на дежурстве, стала расспрашивать: что именно болит, есть ли отек, что происходит с рукой? Затем тревожное ожидание до окончания работы, мысли о возможной травме. После дежурства поехали в травмпункт исключать перелом. К счастью, он не подтвердился.

На работе она умеет действовать в неопределенности. Дома та же профессиональная осведомленность заставляет тревожиться сильнее, особенно за любимую дочь. При этом продолжения врачебной династии Екатерина Владимировна от ребенка не ждет. По ее наблюдениям, медицина девочку не привлекает. И принимает это спокойно, даже с облегчением.

Важнее передать не специальность, а качества характера. На вопрос, какие именно, отвечает коротко: «Ответственность. И человеколюбие. С ответственностью, в силу возраста, пока бывает непросто. С человеколюбием – намного лучше».

Крючок, куклы и шлифовальная машинка

У строгого хирурга есть занятие, для которого не нужны ни распоряжения, ни срочные решения. Она вяжет игрушки крючком и спицами. Вязать умеет с детства, но всерьез вернулась к этому в декрете. Стало скучно, захотелось занять руки и голову. Сначала были коврики, салфетки, снежинки на елку. Потом – игрушки по готовым мастер-классам. Затем начала придумывать собственные схемы. Одну из кукол связала маме на Новый год. Сама рассчитывала пропорции, продумывала, какой она получится.

Екатерине Владимировне творчество помогает переключиться. Она рисует, летом на даче реставрирует мебель: шкурит, сверлит, приводит вещи в порядок. Новая шлифовальная машинка способна обрадовать ее сильнее, чем очередное украшение. Инструментов, говорит, собрано столько, что иной мужчина позавидует.

Когда-то ее всерьез привлекала профессия реставратора. Хотелось работать, например, в Эрмитаже. Но желание лечить людей оказалось сильнее. А творчество при этом никуда не исчезло. Оно осталось и в игрушках, и в мебели, и в работе.

«Очень важно, чтобы у человека было что-то, кроме работы: слишком трудно однажды остаться без привычного дела, если больше ничто не наполняет жизнь».

Две стороны одной монеты

День хирурга и День матери – два повода увидеть в Екатерине Владимировне не набор безупречных качеств, а живого человека. Она бывает требовательной и мягкой. Уверенной и тревожной. Может настоять на своем, а может уступить. Умеет выдержать тяжелую операцию, но не считает, что должна перестать чувствовать чужую смерть и боль.

В ее жизни есть место тяжелой работе хирурга и непростым врачебным решениям, а также художественным выставкам, реставрированию и вязаным куклам.

Екатерина Владимировна рассказывает обо всем этом среди разговоров о дежурствах, операциях и визитов родственников пациентов. Обычная взрослая жизнь, где ребенок растет не таким, как ты представляла. Где любимое дело утомляет, но остается любимым.

Юлия ХОМИНЕЦ,
специально для «ОГ»